
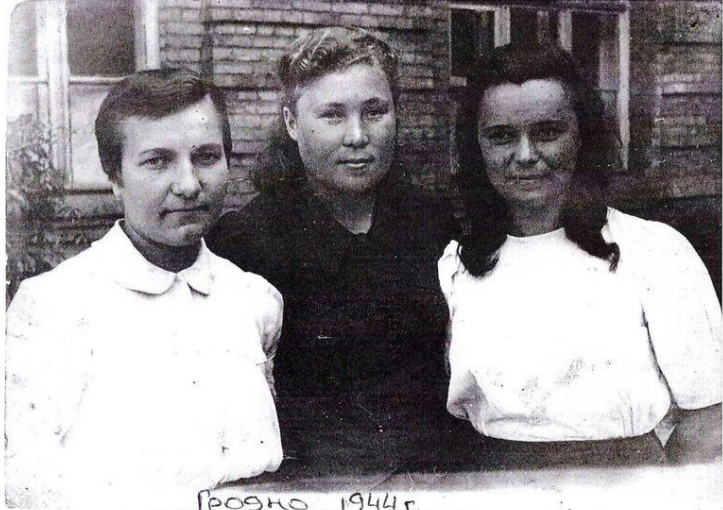

Всероссийская акция «Семейные фотохроники ВОВ»

Образовательная организация	Номер фото	Кто изображен на фото	Родство
<p>МБОУ «Гимназия №12 с татарским языком обучения имени Ф.Г.Аитовой» Московского района</p>	 <p style="text-align: center;">Берлин, 1945г.</p>	<p>Киркевич Александр Иванович в кругу соратников при взятии Берлина 1945г (внизу слева).</p>	<p>Прадед ученицы 6б класса Огородовой Татьяны</p>
<p>МБОУ «Гимназия №12 с татарским языком обучения имени Ф.Г.Аитовой» Московского района</p>	 <p style="text-align: center;">Гродно, 1944г.</p>	<p>Киркевич (Квартенок) Нина Иосифовна в кругу подруг в городе Гродно 1944г (слева).</p>	<p>Прабабушка ученицы 6б класса Огородовой Татьяны</p>

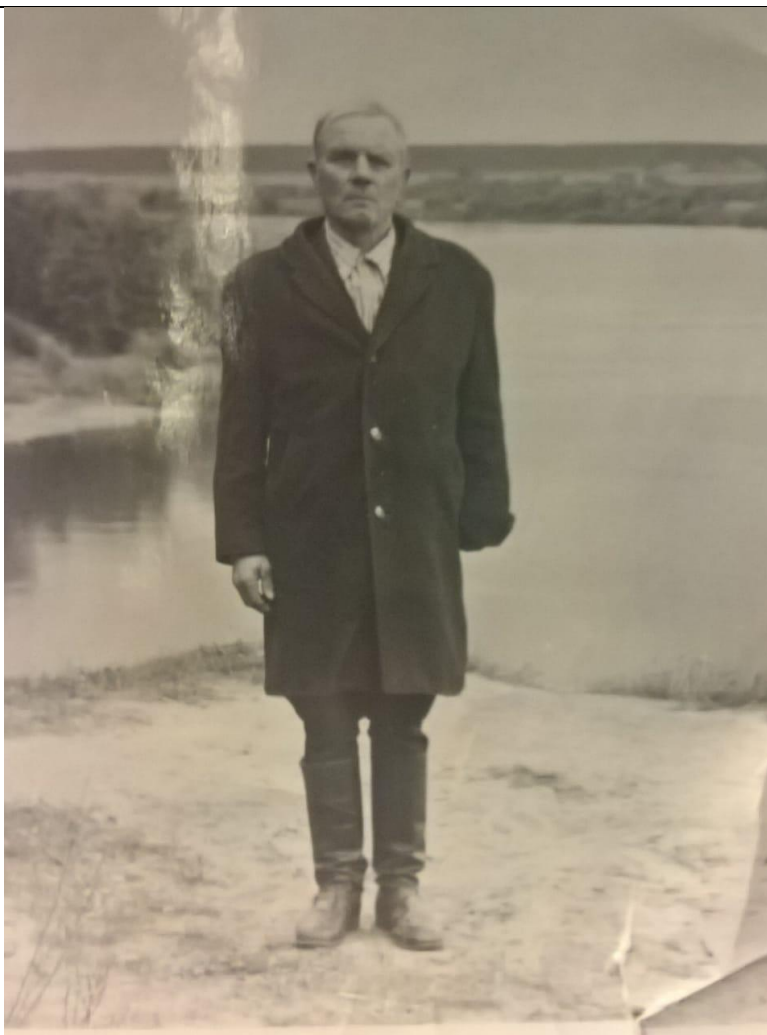
МБОУ
«Гимназия №12
с татарским
языком
обучения имени
Ф.Г.Аитовой»
Московского
района

Лерешкин
Дмитрий
Иванович

Прадедушка
ученицы 9Б
класса
Мойсейчик
Екатерины

МБОУ
«Гимназия №12
с татарским
языком
обучения имени
Ф.Г.Аитовой»
Московского
района

Бойко
Фёдор
Евтухович

Прадедушка
ученицы 9Б
класса
Мойсейчик
Екатерины

16.11.44.

днб. 29/11

ноя. 25/11 44/4

Дорогой мамочка, еще напишу 25/11

Не могу же я так писать тебе письма со

близкой любовью. Времени не так много, поэтому
пишу, организуюсь тут же и там. Довольно по-
спешно. Конечно же, как и всегда в письмах, я
да и в душе, люблю тебя и люблю у нас.

Милый мой, тебе пишу письма потому что
люблю тебя, твою работу, твою жизнь и твою
жизнь. Жизнь свою отбрасываю - пишу, пишу. А
люблю тебя потому что ты. В душе, потому что ты
только ты, а не кто-то другой и не кто-то другой.
Все время ты у меня в душе, в душе, в душе,
и я люблю тебя. А тебе я пишу потому что
люблю тебя.

Твои письма от мамы Алексеевны. Довольно
много, но все равно пишу и не пишу. Иногда
пишу тебе и иногда не пишу тебе, как и ты
пишешь мне, где пишу тебе, пишу тебе.
Иногда пишу тебе, иногда пишу тебе.

Зелена. Иван, Коля, Миша и Аноша были в партизанском
и на время немцы захватили около Прусского и много
убили. Митя Трубинский тоже был в партизанском подразделении
Иванович, генерал ион Фролов. Ушел после партизанства на
фронт в Восток. Сергей убили, Василия с семьей убили в Ку-
маньях. Вот красавчик, про которого я узнал о его смерти
и только тогда - да, уральца, еще не слышал Адр. Лу.
Он пошел еще в начале оккупации.

А реально коммунистическая оккупация Костя Кавказушки. Ему
собирали мой адрес, и он искал другие интересные местности
Он-матьки с Луки, оживил Бамабуфольские. Был на
север-кавказском, там на Юго-кавказском фронте, в сентябре 1941
она временно ушла в ночь и ушла в Бамабу в распоряжение
Темно ушел, но не ушел, сидит по западной части. Иностранцы,
коммунистическая организация Кр. Василия и еще другие. В армии много
Андрей, про семье сейчас сейчас - неужели + война. Восточнее
всем нашим: Готфрид, Валентин, Василий, Зоя, о нем в газете
(большая энциклопедия). Митя еще оживил много из Восточной
Богородицы. В общем коммунистическая организация друзей, все же
не забыл меня.

Поддерживало связь с Василием, переписывался, в газете,
с большим количеством информации, где была семья. Она
реально уральская часть Восток, уральская часть, абсо-
лютно коммунистическая.

Вобщем, мажорант, о чем говорил полагал с собой Готфрид
дети, поговорил о семье много переписывал и переписывал.
На армии всего не переписал, о чем переписывал, сидит
по седмичке из Восток и Лу.

Адр Луку сам переписал с мажорант и мажорант переписал
своей мамы, как матери, от которой я никогда не слышал на
судьбу. Василия хороший друг в нашей семье, весьма трудный
и трудолюбивый, который о чем много переписывал по Готфриду
матьки. Василия, генерал Восток и Лу, еще много переписывал
переписывал, но у меня на все есть судейские переписки,
которые я переписывал и переписал, Митя был и не слышал об этом
никогда, но и переписывал, про Василия + Готфрид и переписывал о
своей маме так, как она есть.

А мажорант переписывал мне мажорант (Митя). Переписал
на Луку переписывал, и.о. Василия о чем переписывал на Луку
Луку. На Луку переписывал с Готфридом и переписывал, а Луку
Луку, а потом переписывал. Луку переписывал переписывал и
переписывал. Переписывал Луку

Опубликованные письма Киркевича Александра Ивановича матери Киркевич Людмиле Павловне

БССР
г. Бобруйск
Советская, 166
Киркевич Людмила
Павловна
Почтовый ящик 33308
Киркевич Александр

Тысячи матерей

20.1.46 г. Людмила Павловна № 4511. к.б. 411-457

Получил письмо и карту, которую подождала в ожидании. Беспредельная радость. Сразу же выскочила к матери и ласково обняла ее. Вспомнил Одер, а также Шпрее. Трудней всего было думать, как же лучше организовать нашу встречу. С любовью ждала и ждала. Но уже было поздно. Настало время расставания. Мы расстались в последний раз. Ты была в последний раз в нашей жизни. Ты была в последний раз в нашей жизни. Ты была в последний раз в нашей жизни.

...наступил
...вспомнил
...радость
...жизни
...вспомнил
...радость
...жизни

...наступил
...вспомнил
...радость
...жизни
...вспомнил
...радость
...жизни

Из личного
архивного фонда
участника
второй мировой
Александра КИРКЕВИЧА

Они шли по адресу:
БССР, г. Бобруйск, Советская, 166.
Киркевич Людмила Павловна.
Посылал письма сын,
фронтovní,
Киркевич Александр Иванович,
полевая почта 29708.

Публикуем всего три письма, но и они дают представление о нелегком пути советского солдата к Победе. И сейчас, спустя 45 лет, они волнуют нас, заставляют еще и еще раз задуматься над тем, какими долгим и тяжелым был путь к Берлину, к миру...
Может, в чем-то ошибался, или был слишком строг в своих суждениях солдат, но не будем в этом его винить с высоты наших дней. На фоне еще незажившей в памяти старших, незажившей в каждой нашей семье кровоточающей раны минувшей войны, кажется кошмаром, когда, спустя столько лет после победной весны 45-го, мы узнаем о вспыхивающих кровавых междоусобицах, когда митинги и шествия приводят к произволу, резне и погромам.
Не могли и в мыслях допустить такого в ту пору советские воины-победители. Солдатские письма, сохраняемые как самые дорогие реликвии в семьях, музеях, архивах, особенно тех, кто не дождался до дня Победы, напоминают нам, требуют от нас беречь мир, дружбу и братство советских народов.
«Пишу из-под Лодзи, на одной из ночевок. Кругом спят мои товарищи, расстелив по всей хате солому...» — пишет в первом письме Александр Киркевич.
И мы уверены, что его товарищами были солдаты из многих республик Союза, разных национальностей, это была их одна семья. Врозь разгромить фашистскую Германию просто было невозможно, только вместе, как и сделать любое трудное дело.

Письмо первое.

20.01.1945.

Дорогая мамочка!

Получил письмо и карточку, немного подзабыл с ответом, непрерывно двигаемся вперед, все ближе и ближе к логову фашистского зверя. Позади осталась Висла, впереди — Одер, а потом Шпрее. Труден путь на запад. Отступая, враг оставляет огромное количество мин, превращает в пустыню города и села. Но чаще всего это ему не удается, настольщиков стремителен наступательный натиск наших бойцов. Глубокая кровавая рана нанесена Польше. Варшава, когда-то красивый и огромный город, второй Париж, превращена в груду развалин. Я не нашел ни одного дома в основной части города, где можно было бы жить. Вообще, польский народ повидал тоже много горя и бед за 5 лет немецкой оккупации, хотя, конечно, и не в такой степени, как советские люди.

Ты спрашиваешь о моем здоровье и прочем. Пока ничего, но, несомненно, безжалостно пошатнулось за годы скитаний по полям и дорогам войны. Контужен был в 1943 г., во время Орловско-Курской битвы, когда немцы хотели запереть нас в Курской дуге. Недалеко упала бомба, засыпало землей, больше месяца провалялся в госпитале. Теперь ничего, только если усиленно поработаю умственно, чувствуются сильные головные боли. Но, думаю, с течением времени и это пройдет. Получил снова письмо от Марии Алексеевны, более подробное, чем предыдущее. Прислала ряд адресов друзей. Живут не особенно, не имеют даже хаты, живут в хате Даниила Барбарина...

Если у тебя есть адрес нашего Алексея, пришли мне, попробую разыскать. У тебя был, кажется, адрес Морозова, пришли и его, а также с последнего места работы. Думаю кончать, уже поздно, надо отдохнуть для следующего дня. Пишу из-под Лодзи, на одной из ночевок. Кругом спят мои товарищи, расстелив по всей хате солому, а я решил черкнуть тебе письмецо. До свидания, дорогая мамуся. Привет всем домашним. Крепко целую, Саша.

Письмо второе.

12.03.1945 г.

Дорогая мамочка!

Наконец-то выбрал минутку для письма. Думаю, что простишь за долгое молчание, очень трудно в эти решающие дни найти свободное время хотя бы для того, чтобы написать пару слов. Все время двигаемся вперед, до Берлина осталось рукой подать... теперь уже недолго осталось до конечной цели.

Навсегда запомнится день, когда я перешагнул границу Германии. До этого находился около Познани, добивали окруженную группировку немцев в городе. Следующий бросок предстоял уже за границу, после гостеприимной и радостно встретившей Красную Армию Западной Польши — в логово фашистского зверя. Год назад мы были у Днепра, тогда до границы было около полутора тысяч километров, мысль о ней тоже была далекой. Но пройдя тяжелый огромный путь,

мы осуществили мечту, и она стала близкой и реальной.

Огромный сосновый лес. На шоссе столб с доской: «Граница Германии». Затем — нарисованный на доске красноармеец с протянутой рукой и надпись: «Вот она, проклятая Германия!»

У всех, даже у маленьких детей, на рукаве белые повязки — знак капитуляции, на жилых домах городов — белые флаги. Поляки носят бело-красные повязки, а советские люди, угнанные сюда в рабство, красные. Русских очень много, помаленьку возвращаются обратно на родину, но знаковых или даже земляков пока не встретил. Часто попадаются военнопленные из Америки, Англии, Франции, Италии, Коста-Рики, Бельгии и т. д. Они тоже идут на Восток, через Советский Союз возвращаются домой.

Население Германии встречает нас с низкими поклонами и подобострастно. Страх за содеянные злодеяния в СССР согнул их плечи и вызвал угодливые улыбки на их лицах... Они знают, что к ним пришли мстители, но надеются, что мы — русские. Конечно, мы не фашисты, и не в нашем духе убивать мирных жителей и творить прочие гнусности. Но мы мстим и отомстим так, что у немцев навсегда отпадет охота совершать «Drang nach Osten». Одним словом, суд идет, Германия трепещет!.. Погода очень теплая, апрельская. Вообще, эту зиму мы не видали, климат здесь намного теплее даже белорусского. Морозов ниже пятнадцати градусов не было, да и то несколько дней, снега тоже почти не было. А у вас, наверное, и теперь еще морозы держат. Целы ли у тебя валенки? Ну, пока. Привет всем домашним. Крепко целую тебя, мамочка. Твой Саша Киркевич.

Письмо третье.

15.5.45 г.

Дорогая мамочка!

Ну, вот и дождались, наконец, радостных времен, которые завоевывали долгие четыре года. Уже неделя, как мы дали здесь салют в честь Победы над лютым врагом человечества, живем совсем в мирных условиях. Порой не верится, что кончились наши странствия по полям и дорогам войны, настолько война вошла в кровь. Постоянная напряженность, все время в боевой готовности, — разве за четыре года жизни в таких условиях не станешь иным человеком? Но теперь уже не слышно гула немецких самолетов, навеки умолкли жерла фашистских пушек. Историческое 8-е мая 1945 года, когда здесь, в Берлине, наше командование продиктовало условия германскому командованию, навсегда сделало невозможным повторение 22 июня. Недаром три знамени Объединенных наций* развеваются над Рейхстагом.

Разве думал когда-нибудь побывать здесь? А вот пришлось увидеть мрачный и огромный город, где родилась идея ужасной войны. Город большой, больше Московской, но разрушен сильно. Союзная авиация поработала на славу, многое доде-

* Имеются в виду страны-победительницы: СССР, США, Англия.

тали наши части. Когда встретимся, расскажу подробно о нем, а описывать не хочется, как-то неприятно и отталкивающее действует на человека, так что и перо не пишет.

Праздник Победы отметили и провели законно, пожалуй, никто из нас с такой радостью и весельем не проводил ни одного праздника. Ведь у всех появилась сразу надежда, что он останется жив и вернется к родному очагу.

Даже погода переменялась. Все время до этого дни были прохладные, солнце редко показывалось. А теперь погода исключительная. Деревья — в цвету, когда едешь по дорогам — как будто находишься в аллее парка. Здесь почти везде дороги обсажены или плодowymi деревьями, или другими какими-то.

Здоровье нормальное, правда, немножко беспокоит ухо. Уже больше месяца не ладит с ним, как раз перед 1 Мая началось воспаление среднего уха и самый праздник провел в лазарете на койке. Теперь лучше, но воспалительный процесс продолжается. Очевидно, климат здешний вредно действует, никак не привыкну к нему. Скорее бы домой. Думаю, что недолго осталось быть мне здесь, надеюсь на скорую встречу с тобой и со всеми домашними. Писем получаю не очень много, сам, очевидно, виноват. Но винить тоже особенно не хочу себя: не так уже много времени свободного было в берлинскую операцию. Теперь посвободнее стало, буду наверстывать. Беспокоюсь больше всего за Володю Богомаза. Он брал Берлин и долго не отвечает на мое последнее письмо...

Ну, вот, пока все. Пиши мамочка, как у вас дела, как твоя нога? Крепись, скоро приеду, заживем по-новому. Привет домашним. Почему Зоя и Радочка ничего не пишут? Не пришлют карточки? Хотя бы Зоя довоенную прислала. До свидания, мамуся. Крепко целую. Твой Саша.

Несколько строк об авторе писем.

Из третьего письма нам уже известно, что Александр Иванович Киркевич сквозь огонь и ад войны дошел до Берлина, дождался радостного дня Победы.

Родился он 26 марта 1920 года в деревне Домовицкое Червенского района, что на Минщине. Еще в школе Александр выделялся своим интересом к истории родного края, его литературе, самобытному языку. Не случайно в феврале 1939 года его, еще совсем молодого, берут на работу корректором, а затем переводят ответственным корректором-стилистом полиграфического комбината «Полеспечать» в Гомеле. В это время заочно оканчивает двухгодичный учительский институт (был принят сразу на второй курс).

В первые месяцы войны работал в редакциях газеты «Советская Белоруссия» и агитжурнала «Раздаём фашистскую гадзину». Потом была газета «Большевик Алтая» в Усть-Каменогорске Казахской ССР.

После неоднократных просьб в ноябре 1942 года был призван в армию. С декабря того же года и до окончания войны он в действующей армии. Стрелок, тракторист, старший писарь, старшина роты — таков его солдатский послужной список.